Два раза в одну реку

Автор:
Екатерина Островская

Два раза в одну реку

Екатерина Николаевна Островская

Татьяна Устинова рекомендует

Лена Самохина очень гордилась, что все ее предки – офицеры морского флота. Неожиданно она узнала, что ее прадед, капитан второго ранга Петр Георгиевич Самохин, принимал участие в сборе средств для Белого движения и пожертвовал на это семейную реликвию – яйцо работы Фаберже. Но собранные петербургской знатью драгоценности пропали, революция победила, прадеда репрессировали… И вот спустя столетие историей дворянских сокровищ вдруг заинтересовалось слишком много людей: и бывшие одноклассники Лены, и банкир, с которым она некогда встречалась, и даже известный спортсмен-бодибилдер. Неужели кто-то из них напал на след старинного клада? Но, как известно, сокровища всегда охраняет смерть – кладоискатели стали погибать один за другим. Перед Леной встал выбор: вернуть семейную реликвию или остаться в живых…

Екатерина Островская

Два раза в одну реку

Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу… А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над

собственными выдуманными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Новый детектив «Два раза в одну реку» Екатерины Островской получился захватывающим. Это настоящий триллер, подкупающий сложностью загадок, бешеным темпом погонь и плотностью перестрелок. Книга держит в напряжении от первой и до последней страницы. Происходящие события страшны и грандиозны, действие разворачивается в прошлом и настоящем, а сюжет выписывает один головокружительный вираж за другим, и героям приходится молниеносно подстраиваться под быстро изменяющийся сюжет. Запутанная и стремительная история, словно горка в аквапарке, подхватывает, кружит и стремглав уносит куда-то! Остается наслаждаться скоростью и брызгами в лицо: душа уходит в пятки и хочется визжать от восторга.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех, и… брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Часть первая

1918 год, 30 августа

Парадная дверь была закрыта. Молодой человек в матросском бушлате обернулся к своей спутнице – хрупкой девушке, судя по платью, горничной из

небогатого дома.

– Дальше я сам. Поднимусь по черной. Прошу вас, Вера Николаевна, подождать меня во дворе. Постараюсь надолго не задерживаться.

– Я с вами, Алексей Николаевич. Вам даже дверь не откроют. Он – очень осторожный человек.

Вдвоем направились к арке, пересекли небольшой внутренний дворик и вошли в узкую дверь черной лестницы. Поднялись на второй этаж и остановились на неширокой лестничной двухквартирной площадке.

– С Богом! – произнес молодой человек.

Девушка быстро перекрестилась.

Матрос повернул ручку механического звонка и поморщился, когда услышал хриплую трель. Прислушался, пытаясь разобрать звуки за дверью, потом обернулся к девушке и дернул плечом.

– Кто-то там ведь должен быть.

Выглянул в окно и увидел возле двери дровяного сарайчика греющегося на солнце дворника, которого еще минуту назад там не было. Молодой человек вновь повернул ручку звонка. И сразу дверь распахнулась. На пороге с «маузером» в руке стоял матрос в тельняшке, а рядом с ним – парень в пиджаке, надетом на солдатскую гимнастерку.

– Ну и чего вам здесь надо? – поинтересовался матрос с «маузером».

– Да вот хочу с хозяином здешним разобраться, – объяснил молодой человек в бушлате, двигаясь прямо на «маузер». – «Контра» здесь зашхерилась, если ты не знаешь, братишка. Марусю мою этот гад на работу позвал, чтобы она тут ему приборки делала, а денег не заплатил. Так что хочу с него по полной получить с процентами за эксплуатацию трудового народа.

Он обернулся к девушке и махнул рукой.

– Заходи, Маруся, здесь все свои.

– Здравствуйте, – поздоровалась девушка, переступая через порог.

– Милости просим, – улыбнулся ей парень в пиджаке.

А его приятель в тельняшке покачал головой.

– Ты прежде чем на абордаж кидаться, браток, документ какой предъяви.

Вошедший усмехнулся и показал на свою бескозырку:

– Читать умеешь?

На ленточке значилось название корабля. Позолота букв облетела, но все равно надпись читалась достаточно ясно – «Императрица Мария».

– Первой корабельной роты котельный машинист Иван Шлыков.

– Понял, – кивнул человек с «маузером». – Кочегар, значит. Когда рвануло на вашем корабле, где был?

– Как раз вахту отстоял, зашел в котельную угольную пыль с себя смыть. Первым помылся, на палубу поднялся, где как раз молебен был, и тут как грохнет! Все, которые на вахтах и которые в котельной остались, сразу сгорели. Три сотни человек, считай. А те, кто на молебне стояли, выжили, ну и я заодно.

– Как тут в Бога не поверить! – вздохнул парень в пиджаке и оглянулся на девушку. – В газетах недавно пропечатали, что подняли все-таки ваш линкор.

– Не знаю, – покачал головой котельный машинист, – меня там нет. В Крыму теперь офицерье жирует. А я с января по фронтам, сначала под Новочеркасском, где мы Каледина били. Потом уж в Пятую армию к Сиверсу попал. И под Бахмачом, в самом пекле, я за пулеметом лежал.

– Ваню враги ранили, – негромко произнесла девушка, – очень сильно. Он сначала в харьковском госпитале был, а потом уж сюда приехал…

– Ну да, – подтвердил ее друг, – приехал к Марусе, женится вот думаю. А ее тут всякая контра за человека не считает. Денег не платит, кормиться нечем. Да вы сами взгляните на нее: была человеком, а теперь в ней и трех пудов нет. Так что я сейчас этого гада… Как его, Маруся?

– Камергер Росляков, – тихо подсказала девушка.

– Ша, браток! – неизвестно чему обрадовался человек с «маузером». – Так мы сами этого камергера тут выжидаем. Вчера у него здесь ЧеКа обыск делала. Зашли, как водится, с парадного входа, а он, гад, смылся, видать… Короче, не застали, а может, и в самом деле не было его. Кухарка только, старуха глухая, ничего от нее добиться не могли. Так и она тоже под шумок свинтила. Мы-то уж потом подгребли сюда. Тут как раз ЧеКа работала. А потом уж сам Урицкий прикатил, когда тут золото и брильянты обнаружили.

– Выходит, я опоздал, – вздохнул котельный машинист, – теперь ничего не получу с этого гада.

– Так накормить мы сможем тебя. Мы и коньяк нашли «фин шампань» шустовский – почти целая бутылка осталась. Картошку можно пожарить. А Маруся твоя пусть в вещах пороется. Шуб там, правда, уже нет – вчера чекисты их вывезли, но кое-какое барахлишко найдется.

Матрос с линкора «Императрица Мария» посмотрел на девушку.

– Давай, Маруся, поройся там: может, что и отыщешь себе или для обмена.

Но девушка только покачала головой. В глазах ее стояли слезы.

– Что ж ты, красавица, загрустила? – начал успокаивать ее матрос в тельняшке. – Здесь чужого ничего нет. Все наше, народное. Так что без стеснения забирай, что себе присмотришь. А я потом тоже пороюсь в барахле: может, что для сестрицы своей найду. Отправлю ей в деревню. Пусть там при всем параде как барыня ходит.

Девушка повернулась и молча пошла к выходу. Переступив порог, она закрыла ладонями лицо, чтобы никто не видел, как она плачет.

– Какая чувствительная она у тебя, браток, – с сочувствием произнес матрос и, увидев, что котельный машинист тоже хочет уйти, протянул ему руку. – Держи краба! А красотке своей передай, что скоро мы эту гидру буржуйскую раздавим к чертям собачьим!

Молодой человек с барышней спустились во двор, прошли мимо скучающего немолодого дворника, подставляющего лицо солнцу. Лицо дворника было красным, и по лбу его из-под выгоревшей старой тюбетейки скатывалась тонкая струйка пота. Молодые люди уже хотели выйти на улицу, но вдруг девушка остановилась, обернулась и поспешила назад.

Подошла к дворнику и спросила негромко.

– Может быть, вы знаете, где теперь Александр Васильевич Росляков?

Дворник смотрел на нее и улыбался.

– Моя Ахметка зовут. Я недавно здесь… Метелка мети, двор убирай, дверь закрывай…

– У Рослякова еще внук был маленький. Мальчик совсем…

– Моя не понимает, – продолжал улыбаться дворник.

– Внук, – продолжала выспрашивать девушка, – совсем мальчишка.

– Какая мальчишка? Не видела я.

– Простите, – сказала девушка и пошла к выходу. Взяв под руку своего спутника, объяснила ему: – Дворник татарин, ничего не понимает по-русски.

Они миновали арку, вышли на улицу, но не успели сделать и пяти шагов, как их догнал дворник.

– Ведь вы графиня Панина? – тихо спросил он девушку уже безо всякого акцента. – Я – полковник Генерального штаба Голенищев. Вашего батюшку еще по кадетскому корпусу помню. Только мы в разных ротах были. Простите меня за мой спектакль. Росляков сейчас на Фурштадтской. Дом на углу у Таврического сада. Я вчера помог Александру Васильевичу уйти, а теперь жду, когда эти бесы его квартиру освободят. Кое-какие документы там припрятаны… Надо забрать.

Мужчина посмотрел на котельного машиниста.

– И вам, князь, да поможет Бог. Надеюсь, все, что хранил Александр Васильевич, не пропало.

– Пропало, – вздохнула девушка. – Говорят, сам Урицкий приезжал сюда за этим.

– Я видел его, – шепнул «дворник», – только меня близко не подпустили.

И полковник, коротко кивнув, снова исчез в арке.

Девушка посмотрела на своего спутника. А потом обняла его, прижалась.

– Как обидно, – прошептала она, – все зря! Все, Алексей Николаевич. А теперь вы уедете, и я потеряю еще и вас.

– Ничего зря не бывает, – ответил ей молодой человек, – надежда есть всегда. Мы все вернем. И даю слово, что без вас я никуда не уеду.

До Таврического сада шли пешком. А когда переходили Потемкинскую улицу к дому, на который указал полковник, в них едва не врезался велосипедист. Впрочем, велосипедист успел вывернуть руль, после чего сам же и упал. Молодой человек в кожаной куртке поднялся с земли, поднял своего железного коня и посмотрел на парочку, глаза его округлились.

– Господин капитан? Добрый день. Вы помните меня? Юнкер Каннегисер. Михайловское артиллерийское училище. Вы после ранения откомандированы были командовать нашей ротой. Увы, недолго командовали. Но мы потом вас очень тепло вспоминали.

Велосипедист посмотрел на девушку и слегка поклонился ей.

– Вера Николаевна, а вы меня помните? Мы у Гумилевых встречались и у Вячеслава Иванова. Меня туда Осип Мандельштам приводил. А когда Вячеслав Иванович мои стихи очень критично оценил, вы даже заступились…

– Помню, конечно, – улыбнулась девушка. – Вас зовут Леонид. Кстати, Мандельштам мне весной сказал, что в ту трагическую октябрьскую ночь вы собрали юнкеров и пошли защищать дворец…

– Увы, – вздохнул бывший юнкер, – собрал очень мало. Но даже если бы нас было больше, то противостоять орде мы бы не смогли. Ужас, что там творилось! Но вы здесь, вы живы – и это прекрасно!

Разговаривая, они повернули на Фурштадтскую, и спутник графини Паниной спросил:

– Объясните, юнкер, что за куртка на вас? По виду вы – самый настоящий чекист.

– А что делать, господин капитан? Приходится соответствовать. У нас ведь теперь как во Франции при Дантоне и Марате – в хорошей одежде лучше на улицу не выходить. Ограбят – это еще мелочь. У нас в доме лакей был, Корнеем звали. Так он в декабре, перед сочельником как раз, сбежал. Прихватил серебро, шубу бобровую. Но далеко не ушел. До Литейного только добежал, а там матросня пьяная. Все у него отобрали, раздели, а потом еще и убили. Он двое суток в сугробе пролежал. Наш дворник ходил его опознавать… Я вас не утомил своими речами?

– Мы вообще-то очень спешим, Леонид, – мягко ответила Вера Николаевна.

– Тогда прошу меня извинить. Прощайте.

Каннегисер сел в седло и оттолкнулся ногой от тротуара. Но тут же остановился.

– Вообще-то я хотел предложить вам свою помощь, – вздохнул он, – ну раз так…

Еще раз оттолкнулся ногой и теперь уж поехал, набирая скорость.

– Странная встреча, – шепнула Вера, глядя, как юнкер неумело управляет велосипедом.

– Странных встреч не бывает, – ответил ее спутник, – все, кого Бог посылает нам на пути, что-то да значат для нас. А потому стоило бы поговорить с ним подольше… Но вообще он странный человек. Если не сказать – больной.

– В каком смысле? Выглядит вполне здоровым.

– Он болен той же болезнью, что и князь Феликс Юсупов, что и великий князь Дмитрий Павлович Романов… Если вы понимаете, что я имею в виду. Дело в том, что несколько его однокашников решили посетить Каннегисера, благо его дом находится где-то рядом с Михайловским училищем. Зашли и застали будущего офицера в женском платье и с накрашенным губами. С ним потом не хотели общаться.

Вера покраснела и шепнула:

– Странный человек возвращается.

Бывший юнкер подъехал и затормозил ногой, что получилось у него не совсем удачно, он снова едва не упал.

– Прошу меня извинить, ваше сиятельство, и вы, уважаемая Вера Николаевна. Но просто я не могу удержаться, чтобы не открыться вам. Я случайно вспомнил Дантона, Марата… А когда уже отъехал от вас, то вдруг во мне как будто выстрелило имя – Шарлотта де Корде! Вот истинная героиня, убившая тирана. А разве я хуже?

– Кого вы хотите убить, юнкер? – спросил спутник графини Паниной.

– Я хочу покарать тирана!

Леонид Каннегисер выпрямился и произнес громче:

– Хочу убить Моисея Соломоновича Урицкого.

И, посмотрев на своих знакомых восторженными блестящими глазами, перешел на шепот.

– Я решил это давно. Во-первых, потому, что он тиран, во-вторых, он еврей, как и я. Но евреи все добрые, а он – исчадие ада, он – позор нашего народа. И кроме того, у меня имеется личная причина. Дело в том, что у меня был очень близкий человек. Необычайно добрый и достойный. Вы, господин капитан, возможно, помните его – поручик Перельцвейг Владимир Борисович. Так вот, его арестовали непонятно за что. Урицкий лично допрашивал его, может быть, даже издевался над ним и пытал, а потом приказал расстрелять. И только потому, что Владимир Борисович не такой, как он. Вы видели Урицкого, князь?

– Не довелось, – признался человек в бушлате.

– И слава богу! Увидите – не заснете неделю! Я вам это гарантирую. Этот Урицкий – маленький, толстый, ножки короткие, даже очень короткие, голова гладко выбрита… и еще пенсне. Крошка Цахес – помните такого гадкого персонажа у Гофмана? Даже не так. Урицкий вообще похож на жабу. На злобную вонючую жабу, которая не заслуживает жизни!

– Когда и как вы хотите его убить?

– Я хочу убить его прямо сегодня. У меня есть револьвер. Мой план таков: поеду на Дворцовую, где у них народный комиссариат внутренних дел, и стану ждать. Раньше полудня этот упырь на службе не появляется. Я выстрелю в него и быстро уеду на велосипеде. Все растеряются, а когда сообразят и бросятся за мной, я буду уже далеко. А я уж не промахнусь. Вчера на пустыре тренировался в меткости и понял, что именно на мне лежит эта миссия.

Глава первая

Сначала она отказала. Сережа настаивал, возмущался, говорил, что это просто некрасиво – отказывать в такой малости человеку, с которым ее связывает нечто большее, чем школьная дружба. Нечто большее – это когда уже после окончания школы, Лена училась на втором курсе, он пригласил ее в гости на свой день

рождения, пытался напоить, лез целоваться, а потом затащил в спальню своих родителей и тоже чего-то требовал.

Потом Лаленков в гости не приглашал больше, однако позвал на свою свадьбу, на которой, пока не напился, выглядел вполне счастливым. Но на улицах они время от времени случайно встречались – благо жили неподалеку друг от друга. При встречах Сергей кивал иногда, но когда рядом была его жена, делал вид, что близорук, и проскакивал мимо.

А теперь он настойчиво уговаривал:

– Ну что тебе стоит, Самохина? Один разок всего!

Сергей звал ее на какой-то остров. На остров, разумеется, можно было добраться только на каком-то плавсредстве – надувная лодка и надувной матрац не подходили по определению, ввиду удаленности острова от берега. А у Лены был в собственности катер, доставшийся ей от отца. Отец и научил ее управлять катером.

– Нет, – ответила Лена, – твой остров на Ладоге, а туда идти – только время терять. Мне и на Финском заливе хорошо.

Вскоре позвонила жена Лаленкова, с которой Самохину уж точно ничего не связывало, но жена одноклассника щебетала так, словно они лучшие подруги. И она тоже стала уверять, что тот остров – просто рай земной, где можно расслабиться и заниматься чем угодно, потому что там никого нет.

– А змеи там есть? – поинтересовалась Лена.

– При чем тут змеи? – не поняла Лаленкова.

– Так ведь в раю змеи водились.

– Правда, что ли? Фу, гадость какая!

Наконец, позвонил Лешка Смирнов – тоже одноклассник… И тогда Лена согласилась. Смирнов убедил ее, что возле этого острова уникальная роза

ветров: там ветер есть всегда, даже при полном штиле, что для серфингиста – самое то.

Лена виндсерфингом уже не занималась – теперь ее увлек кайтинг, правда, бывшие одноклассники об этом не знали, да и вряд ли они догадывались, что это такое вообще.

Маму Лена не помнила, но очень любила. Часто рассматривала фотографию молодой светловолосой красавицы, а перед тем как уснуть, целовала снимок в рамке и ставила его на тумбочку рядом со своей кроваткой. Ей сразу объяснили, что мама умерла, давая ей жизнь. Но мама всегда была рядом – так казалось Лене. А вот отец не всегда – он был то в походе, то на корабле. Иногда он брал с собой на службу и дочку, а потому девочка параллельно с родным языком выучила и военно-морской: прекрасно разбиралась в устройстве корабля, знала, где находится клотик, шкафут, полубак, ходовой мостик, кают-компания, и без перевода понимала, что такое переборка, проход, баночка, камбуз, шпангоуты, леера… Даже находясь на берегу, отец будил ее в одно и то же время – в семь утра. «Подъем! – кричал он и давал команду: – Корабль к бою и походу изготовить!»

Первые десять лет Лена провела в Североморске, где ее пыталась воспитывать бабушка, которая обучала внучку французскому и английскому. Но девочке больше нравилось гонять по двору на скейтборде, а зимой скатываться по склонам сопок на сноуборде… Потом папу назначили командиром соединения, и он стал служить на берегу, и тогда бабушка взмолилась:

– Андрюшенька, отпустил бы ты нас с Леночкой домой. Что ей тут делать? А в Петербурге и школы получше, и вообще…

Отец сам привел Лену в новую школу. Они шли по школьному проходу, вдоль переборки, увешанной фотографиями счастливых выпускников, мимо стеклянных рундуков с жестяными кубками за спортивные достижения школьных команд. Представительницы педагогического коллектива замирали, глядя на высокого сорокалетнего адмирала, и совсем не замечали Лену. Но когда узнали, что у девочки нет мамы, то окружили ее таким вниманием и заботой!.. Даже учительницы старших классов проявляли к ней особое внимание, здоровались и пытались о чем-нибудь поговорить.

В классе ей выделили место у окна, соседом по парте оказался улыбчивый мальчик, который в первый же день, собирая свой портфель, прихватил с собой и пенал новой одноклассницы. На пенале был изображен «Кузя» – авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов». На следующий день Лена забрала свой пенал, а мальчик попросил учительницу пересадить его куда-нибудь в другое место. Учительница посмотрела на синяк под глазом ученика и перевела его на задний ряд. Звали мальчика Сережа Лаленков.

Отец вернулся на север, бабушка по-прежнему учила внучку хорошим манерам и языкам, но Лене по-прежнему больше нравилось гонять по двору на скейте. А когда в двенадцать лет она увидела соревнования по виндсерфингу, сразу поняла, что это как раз то, что ей нужно. Она любила водные просторы, ветер и скорость, любила состязаться и любила побеждать.

Побеждала в первенствах города, была чемпионкой страны среди юниоров, после десятого класса победила в двух коммерческих турнирах в Польше и в Германии, куда ездила без бабушки, что доставило ей куда большее удовольствие, чем сами победы. Был и третий турнир, но с него Лену сняли, после того, как на Самохину настучало руководство канадской команды за то, что она покалечила их лидера. Главный судья соревнований был французом, Лена разговаривала с ним на его родном языке, пыталась объяснить, что молодой человек сам напал на нее вечером на пустынном пляже, повалил и пытался снять купальник. Канадец на разборе тоже присутствовал, стоял и молчал, хотя он был родом из Квебека и французский был и его родным. Но он только кивал и молча возмущался глазами в ответ на ложные, по его мнению, обвинения. А может, и не мог говорить: Лена немного перестаралась, когда перебросила его через бедро и уже упавшего ударила ногой в челюсть. Узнав, что победить в очередной раз не удастся и надо собирать вещи, Самохина сказала и судье, и озабоченному канадцу на их родном несколько фраз, которым ее обучила, разумеется, не бабушка…

Потом ее вызвали в городской спорткомитет и объявили об отстранения на два года от всех соревнований… Лена не переживала, потому что уже хотела заниматься кайтингом: еще на соревнованиях в Германии увидела ребят, парящих в небе на парафойлах, и поняла, что мечтала о таких полетах всю жизнь. Это и в самом деле оказалось ее стихией.

Глава вторая

Остров находился на Ладоге, добрались до него достаточно быстро, несмотря на некоторый перегруз: школьные друзья Лены прихватили с собой своих жен, а жена Смирнова – еще и своего сводного брата, накачанного и молчаливого молодого человека. Мангал, шампуры, решетки для стейков, угли для мангала, ведро с нарезанными кусками мяса, пара ящиков пива, несколько бутылок шампанского. Еще ребята взяли с собой рыболовные снасти и две палатки, потому что собирались ловить рыбку на острове дня три, о чем забыли предупредить заранее, а пару саперных лопаток взяли для того, чтобы копать червей. Весь путь компания провела на узкой корме на пассажирских сиденьях, пили шампанское, восхищаясь летним солнышком и просторами водной глади.

Еще они восхищались катером, который и в самом деле был роскошным. Один из бывших подчиненных адмирала Самохина теперь возглавлял городской яхт-клуб, и он же предложил своему командиру эту мечту. Семиместный, из углепластика, каюта на два спальных места, гальюн с электрической прокачкой, электроплита и холодильник, двухсотсильный двигатель «вольво-пента» – не катер, а сказка. Несмотря на существенную скидку, сказка стоила очень не дешево, но адмирал не стал раздумывать, взял катер вместе с трейлером. В день покупки Лена с отцом сходила до Кронштадта, на следующий день они вышли в Ладогу… Отец был счастлив, да и Лена тоже, хотя летать над водой ей нравилось немного больше.

Лена сидела за штурвалом, хотя это был не штурвал, а вполне привычный обычному человеку автомобильный руль, вела катер. Навстречу летела водяная пыль, но дворники легко снимали ее со стекла.

– Да-а, – в который раз за спиной Лены мечтательно вздыхал Лаленков, – когда-нибудь разбогатею, куплю себе такой же.

А Лешка Смирнов, обнаружив на борту тяжелый морской бинокль, внимательно разглядывал далекий берег.

Жены одноклассников загорали почти молча, лишь изредка до Самохиной доносились их смех или вскрики. Один раз Света Лаленкова попросила остановиться или притормозить немного, чтобы покормить чаек. Когда ей было отказано в этом, вздохнула:

– Ну хоть музычку какую-нибудь поставь, пожалуйста.

Остров оказался небольшим: площадью три гектара или чуть больше. Был покрыт высокими соснами и возник на горизонте как темный утес, выросший из воды. Прежде чем пришвартоваться, Лена пару раз обошла его, пока наконец не решила войти в прибрежный тростник, где и в самом деле было не так глубоко, как в других местах.

Компания выбралась на берег. Мужчины тут же принялись устанавливать палатки, а Лена переоделась в гидрокостюм, достала парафойл и кайтборд… Родственник жены Лешки Смирнова стоял рядом и молча наблюдал.

– Вас что-то интересует? – обратилась к нему Лена.

– Меня Володя зовут, – представился он, хотя сделал это еще утром. – Мы вообще-то с вами встречались прежде.

Самохина пожала плечами: она не помнила, но накачанный парень, очевидно, считал, что его должны помнить все, кто видел его хоть однажды.

– Мы на улицах встречались, – объяснил он, – то есть я видел вас несколько раз – мы ведь рядом живем, не так ли?

Он был обнажен до пояса и, разговаривая, напрягал свой впечатляющий торс, мышцы гуляли под кожей на груди, на плечах и на животе.

– Вполне возможно, – согласилась Лена.

– Спортом занимаетесь? – продолжил Володя. – Я тоже. Раньше был профессионалом, мечтал попасть на «Мистер Олимпия», но там все за бабки… А потому я только призер первенства стран. Зато неоднократный. Теперь инструктором по бодибилдингу работаю. Хороший зал, между прочим, недалеко от нас. Заходите.

Лена пообещала, но родственник жены Лехи Смирнова не отставал:

– Вы сколько от груди жмете? Я к чему спрашиваю: вам надо мышечную массу нарастить немного.

– Меня мой вес вполне устраивает, – сказала Лена.

– Вы весите пятьдесят семь. Или пятьдесят восемь? Свой собственный вес выжимаете?

– Я беру сорок кило, три подхода по десять раз.

– Очень даже неплохо, – согласился Володя, – но я вам все равно помогу технику поставить. Так что приходите ко мне в зал.

– У меня дома штанга, – попыталась осадить его Лена и поняла, как двусмысленно это прозвучало, а потому добавила: – Но я вас не приглашаю, потому что привыкла тренироваться одна.

Бодибилдер все понял и отошел, зато подскочила его сестра Ира.

– Володька на тебя запал, – шепнула она, – я сразу заметила. Он вообще с девушками тяжело сходится, то есть они за ним, конечно, ухлестывают, но ему нужны серьезные отношения. Присмотрись к нему… Или у тебя уже кто-то есть?

Это «или» покоробило немного Лену, похоже было, что ее обсудили заранее, хотя никто из одноклассников – ни Лешка, ни Сергей – наверняка ничего не знали о ее личной жизни. Скорее всего, выводы были сделаны потому только, что она ушла на катере на все выходные, а рядом с ней нет молодого человека и никто за все время пути не позвонил ей на мобильный.

– Страшно там наверху? – продолжала трындеть жена Смирнова.

– Хочешь попробовать?

Девушка посмотрела вверх и поежилась.

– Упаси боже. Мне как-то предложили в Турции на парашюте за катером полетать. Я отказалась и правильно сделала: в тот же день одна немка сверху

плюхнулась, летела вниз и так кричала, что все испугались вокруг. Потом ее турецкие спасатели вытащили и долго делали ей искусственное дыхание. Она ногами сильно дергала, так один турок ей ноги держал, чтобы не брыкалась, а второй искусственное дыхание делал, пока немка в себя не пришла. Но ты подумай насчет Володьки: ему уже тридцать два, серьезный надежный парень. Меня в детстве всегда защищал… И вообще с ним на улице приятно показаться…

Ветер и в самом деле оказался хорошим. Лена носилась по воде и над водой, взлетая порой очень высоко, проносилась над соснами, пыталась разглядеть внизу своих приятелей. Но сосны росли густо, и сквозь их кроны ничего не просматривалось. Как выяснилось потом, ребята разбрелись по островку, изучая окрестности. Но к вечеру они, вероятно, нагулялись, установили мангал и принялись готовить шашлыки. Лена подошла к ним, когда уже все было готово. Компания расположилась на раскладных креслицах возле такого же складного столика. Все уплетали поджаренное над углями мясо, но особенно радостными не выглядели, ребята были напряжены и озабочены, девушки тоже молчали. Все выглядело так, словно их связывала большая общая тайна, в которую посвящать Самохину совсем не обязательно. Так показалось Лене.

Но все же надо было о чем-то говорить, и, вероятно, поэтому Лаленков сообщил, что если он разбогатеет, тот обязательно приобретет себе такой же парашют, чтобы вот так же летать над землей и ни о чем не думать.

– А смысл? – поддержал тему Володя-бодибилдер. – Что это дает? Вот если качаться – это совсем другое. Когда у тебя хорошая фигура, не стыдно раздеться в приличном обществе, да и вообще всегда чувствуешь себя прекрасно: идешь по улице – и все на тебя смотрят. Я однажды шел, смотрю, старичок хочет колесо поменять у своей «шестерки». Хочет-то он хочет, только домкрата у него нет. Так я подошел, приподнял машину и держал, пока он не сделал все свои дела.

– Переднее колесо менял или заднее? – уточнил Смирнов.

– Да я уж и не помню, – отмахнулся качок и посмотрел на Лену. – Так что приходи ко мне в зал: у нас там приличное общество собирается. Есть достойные люди: артист Кашкин, если знаете такого, композитор один – он песни пишет…

Теперь вот банкир ходит – так что, если кредит нужен, то можно прямо ко мне…

– Банкир симпатичный? – поинтересовалась жена Лаленкова.

– Да ему еще качаться и качаться. А так, если только на лицо смотреть, то ничего такой.

– Я вспомнила, – непонятно чему обрадовалась жена Смирнова, – немка, что в Турции с парашюта свалилась, тоже в банке работала – только в немецком. Названия не знаю, но так все говорили.

– Так она что, прямо лицом о песок ударилась? – удивился Володя.

– Нет, она на воду свалилась – столько брызг было!

Все почему-то посмотрели на Самохину.

– А ты когда-нибудь падала? – поинтересовался Лаленков.

– Приходилось. Последний раз на Гавайях, но уже после соревнований. Захотелось полетать, но внезапно такой ветер поднялся, меня крутануло и о воду шандарахнуло.

– Ты была на Гавайях? – не поверила Ира Смирнова.

– Ну да. Неудачно съездила, правда: семнадцатое место из восьмидесяти трех участников. На Фиджи была двенадцатой – лучший мой результат на международных соревнованиях.

Лена не стала уточнять, что всего два раза и выбиралась на эти соревнования по кайтингу. Конечно, очень хотелось попробовать свои силы в состязании с лучшими спортсменами мира, но выбираться туда – слишком дорогое удовольствие. А потому приходилось состязаться только внутри России. Она была двукратной чемпионкой по зимнему кайтингу. Однажды победила и в летнем виде. По фристайлу считалась лучшей в стране…

Постепенно разговор оживился, правда, говорили уже о чем попало. В воде возле берега лежали бутылки с пивом для парней и бутылочка шампанского для девушек. Ирина и Света прихватили с собой бокалы, очень похожие на стеклянные, и перед тем, как выпить, с размаху били ими друг о друга, очевидно, рассчитывая услышать хрустальный звон. Шампанское выплескивалось, а пластик не звенел.

Лена не пила ни вино, ни пиво, да и в разговоре особого участия не принимала. Остров ей нравился, здесь было тихо и пустынно. Вокруг расстилалась синяя гладь огромного, как море, озера, изредка под самым горизонтом проходило какое-нибудь судно, рассмотреть очертания которого не удавалось. Кричали чайки, и шелестел прибрежный тростник.

Часов в шесть вечера послышался шум двигателя, и к острову подошла моторка с брезентовым тентом. Из лодки выскочила большая лохматая собака, а за ней на берег спустился молодой мужчина в куртке с капюшоном.

– Наглость какая! – возмутилась Ира Смирнова. – Это наш остров!

Тут же поднялись ее муж и Лаленков.

– Давай с нами! – поторопил Лешка бодибилдера. – Мы его бить не будем. Он как тебя увидит, сам отсюда свалит.

– Сейчас они этому гаду устроят! – обрадовалась Света Лаленкова, и обе девушки развернули свои креслица, чтобы лучше наблюдать за тем, что непременно должно было произойти. Лена поспешила следом за парнями, чтобы остановить их.

Драки не случилось, да и не могло случиться, потому что собака оказалась московской сторожевой. Но молодому человеку все равно популярно объяснили, что остров забронирован заранее, а если он желает половить рыбку, то возражений не будет – озеро большое. Незнакомец спорить не стал, сказал только, что он будет ловить вечером, переночует у себя на лодке, потом половит немного на утренней зорьке и до полудня следующего дня исчезнет.

Разговор получился нервным. Лена чувствовала себя неловко, замечала, как поглядывает на нее незнакомец, а собака и вовсе подошла к ней и лизнула руку,

давая понять, что понимает – девушка не такая, как ее подвыпившие приятели. Хозяин собаки спокойно разговаривал с ребятами, но продолжал смотреть на Лену и улыбаться. Чему он улыбался, было непонятно, но улыбка его была достаточно обаятельной.

Потом, когда вернулись к мангалу, Самохина обернулась, как бы ненароком, увидела, что молодой человек продолжает смотреть на нее, и помахала ему рукой.

– Ты чего это с ним любезничаешь? – удивилась Лаленкова. – Понравился, что ли? Не видишь разве, что это какой-то жлоб из местных.

Что она имела в виду, понять было нельзя, потому что вокруг никаких селений не наблюдалось, только лишь вода.

Лена ничего не ответила и пошла к своему парафойлу, сложенному на берегу.

Она полетала еще немного, сверху видела, как загорают возле воды жены одноклассников, как ловит рыбку незнакомец, как, задрав голову, за ней наблюдает, явно волнуясь, большой лохматый пес.

Чай пили на борту уже в наступивших сумерках. Голубым светом сверкали кормовые огни и светильники, вмонтированные в обшивку рубки. Молодой незнакомец прятался под своим тентом, зато его собака внимательно наблюдала за всем происходящим на катере. Потом одноклассники с женами сошли на берег, а бодибилдер не спешил. Он заглянул в каютку и вздохнул:

– Как здесь уютно.

Лена сразу поняла, на что он надеется, и промолчала.

– Одной ночевать не страшно будет?

– А чего бояться? Никого ж нет.

– А этот? – Володя мотнул головой в сторону лодки с брезентовым верхом. – Вдруг он надумает неизвестно чего, подкрадется незаметно, ты и пикнуть не

успеешь.

Самохина опять промолчала, а бодибиддер продолжал:

– Нет, тебе определенно надо ходить в наш зал. Не хочешь качаться, так займешься самообороной. У нас хороший инструктор по этому делу. Для любой девушки умение защитить себя не лишним будет.

– Да я уж как-нибудь…

Она не стала говорить настойчивому ухажеру, что соседом по лестничной площадке в Североморске был майор Кунгуров – командир батальона морской пехоты, который обучал своего сына разным приемам, а заодно и соседскую девочку. Заставлял заниматься так, что Лена, ложась спать, чувствовала, как болит все тело. Бабушка ворчала, конечно, но она не знала на самом деле, как мучают ее внучку. Навыки остались. Потом, уже в Петербурге, Лена два года посещала секцию айкидо, где от нее шарахались все ребята, потому что она каждый бросок завершала ударом и только после этого переходила на болевой прием или на удушающий. Так что застать ее врасплох было невозможно: по крайней мере, один канадец уже сумел в этом убедиться.

– А в палатке сейчас комары, – продолжал клянчить бодибилдер.

– Я дам тебе спрей, – пообещала Самохина, – а еще спиральку, зажжешь ее, она будет тлеть до утра, и комаров не будет.

Родственник жены Лешки Смирнова ушел. В палатке, судя по всему, его не ждали. Вокруг было тихо, а потому, о чем разговаривали в палатке, прекрасно было слышно и на борту катера.

– Чего ты не остался? – спросил Смирнов.

– Да там тесновато для меня, – объяснял бодибилдер, – она, конечно, не возражала, но мне нравится, чтобы все с размахом, чтобы оттянуться по полной… Вот у меня дома кровать – два на два. Ну вы сами видели. Я ее к себе приглашу… То есть уже пригласил, и она вроде не против…

– Вот только врать не надо! – крикнула Лена.

– Гав! – подтвердила ее слова собака.

– Умница, – похвалила ее Лена, – завтра угощу тебя чем-нибудь вкусненьким.

– Да ладно, – высунулся из палатки качок, – уж помечтать нельзя! Просто ты мне понравилась.

– И мне тоже, – пронесся над водой шепот.

Тот, кто сказал это, находился на лодке. Лена обернулась и посмотрела на брезентовый тент. Скорее всего, ей это послышалось: собаки ведь не умеют разговаривать. Приближалась ночь. Круглая неоновая луна уже висела над горизонтом, и сверкающая серебром дорожка легла на поверхности озера, пройдя через лодку с брезентовым тентом прямо к белому катеру Лены.

В каюте было вполне уютно. И койка достаточно просторная, по крайней мере, Лене тесно не было. Она лежала и размышляла о том, что хорошо бы и в этом году поучаствовать в соревнованиях. В этом году они пройдут на Сейшельских островах. Приглашение от организаторов получено. Дело за малым – найти деньги. А денег потребуется немало: на дорогу, на взнос участника – турнир ведь коммерческий. В случае победы можно рассчитывать на вполне приличные призовые, но только победить весьма и весьма сложно… Если в гонке на скорость все более или менее объективно, то во фристайле результат зависит от мнений судей, а к ней вряд ли кто-то будет благосклонен, к тому же многие знают, что случилось когда-то с канадским спортсменом.

За стеклом иллюминатора дышала ночная Ладога, шлепала о борт невесомая волна. Лена вспомнила, как впервые вышла в море с отцом. Она стояла рядом с ним на ходовом мостике, отец наблюдал за приборами управления кораблем, а она не могла оторвать взгляда от волн. А волны били в крейсер с такой яростью, словно хотели добраться до маленькой девочки, которая вцепилась двумя руками в полу кителя своего отца, но не от страха, а просто от переполнявших чувств: от возникшего внезапно восхищения, от красоты открывшейся ей стихии…

Отец получил назначение в главный штаб ВМФ. И напоследок хотел попрощаться с соединениями и частями базы, которой командовал. Вылетел на вертолете в отдаленный гарнизон, а на обратном пути вертолет попал в снежную бурю. Комиссия назвала причину крушения – отказ техники, вызванный неблагоприятными погодными условиями.

Когда позвонили в дверь квартиры, Лена и бабушка уже знали о пропаже вертолета, но надеялись, что с отцом все в порядке. Надеялись, что он сидит без связи в холодной кабине, накинув капюшон куртки-канадки на голову, ждет, когда прекратится пурга и прилетят спасатели… В квартиру вошел старый друг Самохина, бывший сосед по лестничной площадке – Кунгуров, теперь уж полковник, пришел вместе с сыном-лейтенантом. Вошел и сказал тихо:

– Андрея нашли. Простите, но обрадовать вас не могу…

Лена заплакала сразу. Лейтенант, которого она помнила мальчиком-ровесником, обнял ее, успокаивая. А бабушка вышла на кухню, достала неизвестно откуда пачку папирос, прикурила от спички, села за стол и прошептала:

– Merde!

Сделала глубокую затяжку и хлопнула по столешнице ладонью.

– Matiere fecale!

Бабушка умерла через полгода. Болела давно, и у нее кончились силы бороться с болезнью. Умирая, она попросила Лену наклониться к ней, после чего прошептала:

– Плохо, что ты не мальчик. В нашем роду все мужчины служили во флоте. Дай мне слово, что родишь сына и отдашь его в Нахимовское…

Лена пообещала, конечно, только вот с личной жизнью у нее не складывалось. И сейчас, лежа в каютке, глядя в серое пятно иллюминатора, вспомнив отца и бабушку, ей хотелось плакать от того, что теперь она одна на свете и нет никого рядом, на кого можно положится или хотя бы поделиться тем, что у нее на душе. Правда, с бабушкой она особо и не делилась секретами, думала, что та не

поймет. Конечно, бабушка была немного странной: учила ее языкам, хорошим манерам, но в минуту самого большого горя она, словно не было уже сил притворяться, ругалась по-французски.

Ранним утром, выйдя на корму, Лена увидела метрах в двадцати от катера моторку и сидящего с удочкой незнакомца, помахала ему, и он ответил тем же.

И произнес:

– Восхищаюсь вашей отвагой.

Он показал рукой на небеса.

– Особой смелости не требуется, – ответила Лена, – просто мне нравится это дело.

Было тихо, и не требовалось говорить, повышая голос: слова звучали так отчетливо, словно они разговаривали, находясь совсем рядом – в одной лодке. Вокруг лежала прозрачная тишина, ветра не было, вода возле острова лежала неподвижно, как бескрайнее зеркало, в котором отражались легкие утренние облачка. Солнце еще не показалось из скрытого бледным туманом горизонта, но уже подсвечивало снизу просыпающееся небо.

– Меня зовут Федор, – произнес молодой человек, – а моего друга Шарик.

– А я Лена.

Так они и перебрасывались осторожными фразами. Молодой человек сообщил, что он к этому острову прибывает уже третий год подряд, не так чтобы часто, но в свободное время старается.

– Главное, чтобы жена на запрещала, – согласилась Лена.

– Жены нет, – ответил Федор, – а если бы имелась, то мы приходили бы сюда вместе.

Он привстал в лодке и показал Лене на поплавок.

– Началось, – шепнул он.

Красная тростинка поплавка его удочки быстро нырнула дважды, потом поехала в сторону и ушла под воду. Федор подсек и выдернул из воды серебристую рыбину. Поднес ее к лодке и снял с крючка.

– Кого поймали? – так же шепотом поинтересовалась Лена.

– Сига с полкилограмма. Сейчас еще будет.

Клев и в самом деле был неплохой. Лена наблюдала, как новый знакомый вытаскивает из воды добычу. Некоторые рыбы срывались с крючка и уходили, но Федор не переживал. Лена понаблюдала, потом вернулась в каюту, умылась и поставила на плиту чайник, рассчитывая, что ее приятели вылезут из палаток, но было еще рано. Семь утра для очень многих людей – не подъемное время.

К полудню Федор, как и обещал, ушел, оставив Лене десяток крупных судаков и сигов, а еще номер своего телефона. Она тоже продиктовала ему свой номер. К этому времени ребята опять ушли в глубь острова, а их жены, надев бикини и перебравшись из палаток на берег, продолжили спать возле воды на клетчатом пледе…

Ушли с острова в воскресенье еще до обеда. Дружная компания сидела на корме, у всех были усталые и немного торжественные лица, покрасневшие от солнца. Разговаривали вполголоса, и порой разговор был похож на шушуканье. Впрочем, Лена не обращала на пассажиров никакого внимания, она размышляла, позвонить ей Федору или ждать его звонка.

А когда подходили к городу, сидящая за спиной компания вдруг запела.

Весь покрытый зеленью,

Абсолютно весь,

Остов невезения

В океане есть…

Пятеро пассажиров не просто пели – они орали, словно нет в мире большей радости, кроме как кричать во все горло.

1918 год, 30 августа

Они стояли у закрытой на замок решетки, перегораживающей арку, ведущую во внутренний дворик. Во дворике росла высокая трава, над которой порхали бабочки. Еще виднелись деревянные ворота каретного сарая с облупившейся краской. Несколько минут назад бывший юнкер Каннегисер на велосипеде поехал убивать начальника Петроградского ЧК Моисея Урицкого. И теперь на улочке, похожей на узкий бульвар, остались только они: двадцатипятилетний штабс-капитан князь Алексей Долгоруков и семнадцатилетняя графиня Вера Панина.

– Я вдруг вспомнила его стихи, – улыбнулась вдруг девушка, – не все стихи, разумеется, а только одну строфу. Даже две. Хотите, почитаю?

Долгоруков пожал плечами и еще раз посмотрел сквозь решетку.

А графиня, коснувшись пальчиками его груди, продекламировала:

Надо вены окрасить Бургундии пенистой кровью:

Был король парнем в доску, хотя трусоват был и рыхл.

Мушкетеры вошли, облеченные высшей любовью,

И за жизнь погутарить чтоб, сбросились на четверых.

Райским духом пропахла харчевня «Сосновая шишка»,

Но сегодня не время для флирта и шпажных утех.

Смотрит на мушкетеров хозяйка, хватившая лишку,

И так очи горят, что дымятся мундиры на тех…

– Забавно, – кивнул штабс-капитан и обернулся к парадному крыльцу.

Вдруг дверь отворилась. Из дома выглянул седой человек в наброшенном на плечи английском твидовом пальто. Человек махнул рукой:

– Заходите скорей.

Они зашли в вестибюль.

– Простите меня, Алексей Николаевич, – вздохнул пожилой мужчина, – не уберег. Кто-то выдал нас. Но у меня есть свой человек в этом их ЧК, который сообщил, что про ваш саквояж никому в их организации доподлинно неизвестно. Вероятно, Урицкий, увидев, какие сокровища оказались в его руках, решил их тайно реквизировать. По крайней мере, он не привозил их на службу и еще не вызывал ювелира для оценки.

– Товарищ Урицкий из вашей квартиры, судя по всему, отправился к себе на Васильевский. А на Дворцовой сегодня появится не раньше полудня – хотелось бы надеяться на это. Сейчас… – Долгоруков достал серебряные часы, открыл крышку. – Сейчас только десять пятнадцать. Так что есть время перехватить его по дороге. Автомобиль его мне известен. Но не извозчика же нанимать…

– У меня во дворе стоит английский Vauxhall – очень быстрая машина. И шофер хороший имеется.

– Никого не надо, я сам справлюсь.

Юнкера Каннегисера Долгоруков догнал только на Невском, когда тот пересекал Большую Морскую. Сбросив скорость и аккуратно объехав молодого человека, князь остановил автомобиль и помахал вспотевшему от усилий бывшему юнкеру. Каннегисер, как делал это и прежде, затормозил ногой и все же колесом въехал в заднее крыло автомобиля.

– Простите, господин капи… – начал было извиняться Канненгисер, но осекся, потому что Долгоруков был одет матросом.

Алексей Николаевич вышел из машины и негромко произнес:

– Сегодня не надо никого убивать: лучше будет, если вы отправитесь домой к родителям. Каждый террористический акт должен быть тщательным образом продуман с учетом всяких возможных случайностей. И в одиночку не стоит на него идти. Вы рискуете быть схваченным.

– Я готов отдать жизнь, чтобы покарать тирана! – заявил молодой человек и оглянулся – не слышал ли кто.

– Не сомневаюсь, а потому готов встретиться с вами сегодня же у вас дома. Мы все обсудим и, возможно, привлечем дополнительных сподвижников.

Каннегисер задумался, а потом посмотрел внимательно на Долгорукова.

– Я подчиняюсь, но только если вы дадите мне слово, что последний выстрел сделаю именно я. Мне надо отомстить.

– Слово офицера.

Урицкий проживал в доме № 9 по Восьмой линии, почти напротив особняка графини Паниной, теперь неизвестно кому принадлежащего. В декабре семнадцатого Софья Владимировна Панина была арестована за то, что отказалась отдать большевикам средства министерства народного просвещения, которые хранились у нее дома. Министр был ее хорошим другом. Ее приговорили к расстрелу, но потом большевики вспомнили, что «красная» графиня долгое время помогала им деньгами и прятала в своем доме скрывающихся от жандармов и полиции революционеров, а потому отпустили, посоветовав в России не оставаться. Где София Владимировна теперь? И почему Вера не живет в ее роскошном особняке, ведь Вера единственная наследница – племянница, пусть даже и двоюродная.

Обо всем этом размышлял Долгоруков, когда подкатил к дому № 9. Машины у входа не было. Зато стоял дворник.

– Урицкий давно уехал? – крикнул Алексей.

– Минут пять, – ответил тот, – или четыре. У меня ведь часов нет. Он через Николаевский обычно ездит.

По середине неширокого моста колонной по четыре шел строй матросов. Дощатый настил гудел под их ногами. Матросы шли и пели.

Ты не плачь, моя Маруся,

Я к тебе еще вернуся.

Я вернусь, вернусь, а может, нет,

Что ты скажешь мне в ответ?

По морям, по волнам,

Нынче здесь, завтра там.

По морям, морям, морям, морям!

Нынче здесь, а завтра там!

Долгоруков нажимал на клаксон, но матросы не сворачивали. Видели его, заметили и то, что за рулем спортивного авто сидит такой же, как и они, флотский, но не сворачивали. Алексей хотел обогнуть их, но едва не въехал в коляску, которую тащили два серых в яблоках рысака – известная всему городу пара балерины Кшесинской. Теперь в коляске балерины сидела коротко стриженная немолодая женщина в кожаной тужурке и наброшенной на плечи горностаевой горжетке. Дама целовалась взасос с рослым матросом. А те, что шли по мосту, показывали на влюбленных пальцами и кричали:

– Давай, браток, засади ей пару торпед с винтом под корму!.

По Английской набережной автомобиль пронесся как ветер, свернул на Дворцовую площадь, где гуляли люди и цокали копытами крестьянские лошадки извозчиков. Черный крытый автомобиль подкатывал к Невскому проспекту, к угловому зданию, в котором располагался наркомат внутренних дел.

Машина, на которой приехал Урицкий, остановилась у входа. Сначала из авто выскочил водитель и распахнул дверь, помогая начальнику выйти. Долгоруков

ускорил движение и тут же увидел юркнувшего в здание Каннегисера. И это было самое непонятное: ведь юнкер уже должен находиться дома. Урицкий держал в руке тяжелый саквояж, он обернулся на подлетевший ко входу открытый автомобиль и только после этого вошел внутрь. Долгоруков выскочил из авто, бросился следом за начальником ЧК, на ходу выхватывая револьвер, рванул дверь на себя и увидел Урицкого, не спеша вышагивающего к лифту. Дверь лифта перед ним распахивал согнувшийся в полупоклоне услужливый швейцар. В стороне стоял бледный юнкер, который, увидев влетевшего в вестибюль наркомата князя, начал доставать из кармана свое оружие. Долгоруков вскинул руку с револьвером и сразу выстрелил. Выстрел прогрохотал оглушительно, эхом отзываясь по всем этажам парадной лестницы. Урицкий, выронив из руки саквояж, рухнул к ногам швейцара. Швейцар согнулся, присел и прикрыл голову руками, ожидая второго выстрела уже в себя. Долгоруков подбежал, схватил сумку и крикнул Каннегисеру.

– Что вы здесь делаете?

Молодой человек растерянно посмотрел на него и ответил:

– Вы обещали со мной встретиться сегодня, но ведь даже не спросили адреса.

– Быстро отсюда! – закричал Долгоруков. – На велосипед и домой немедленно!

Он бросился к автомобилю. Алексей ждал погони, надеясь, что будут преследовать только его, и тогда у юнкера будет шанс спастись. Развернул машину и помчался к набережной, обернулся и увидел спешащего на велосипеде по направлению к Невскому проспекту Каннегисера. Но из здания наркомата выскочили несколько человек с винтовками. И все они побежали за Каннегисером.

Глава третья

Весь вечер воскресенья Лена вспоминала нового знакомого, но подспудно размышляла: лететь ли ей на соревнования на Сейшелы или нет. Дело это, конечно, дорогое, но спонсор вроде бы имелся. «Евротраст банк» готов оплатить

дорогу и взнос участника, взамен Лена обязана разместить на парафойле эмблему и логотип банка и в своих интервью обязательно говорить о том, что всеми успехами обязана именно этому надежному банку. Подобное вполне устраивало совсем недавно и Самохину, и банк, но теперь нынешний начальник отдела общественных связей банка Саша Труханов требовал возобновления отношений.

Почти четыре года они встречались, и все было хорошо. Лена ожидала не только подарков и признаний в любви, но предложения руки и сердца. Но Труханов ограничивался лишь спонсорством, тем более лично ему это спонсорство ничего не стоило.

Познакомились они на пляже в Сестрорецке. Лена парила над поверхностью залива, внизу блестела вода, на песке люди загорали, играли в волейбол или в карты, кто-то пил вино, а кто-то поглядывал вверх на пролетающие воздушные змеи, к которым цеплялись человечки.

Потом Лена и сама легла на песке, чтобы отдохнуть от гидрокостюма и позагорать. К ней подошел молодой человек и произнес:

– Хотел узнать, каково там под облаками, а увидел вас, и вся решимость пропала. Может быть, обменяемся телефонами? Встретимся, вы мне расскажете…

– Под облаками замечательно, а номер своего телефона я случайным знакомым не даю, – ответила Лена.

Но когда посмотрела на парня, почему-то ей вдруг не захотелось, чтобы он удалился так же внезапно, как и появился.

А парень присел на корточки и улыбнулся:

– Меня зовут Саша Труханов. Мне двадцать пять лет, работаю в банке и не женат.

Улыбка у него была настолько обаятельная, что Лена окончательно растерялась. Саша приехал позагорать с друзьями – молодой парой и на их машине. Но, как

потом выяснилось, автомобиль – старенький «БМВ» – был его. Он тогда солгал, надеясь, что друзья уедут пораньше, а он останется с понравившейся ему девушкой, которая его и довезет до города.

Лена довезла Сашу до самого порога его дома. Она была очарована новым знакомым. К тому же он обещал поговорить в банке насчет спонсорства. И ведь договорился, хотя тогда был рядовым сотрудником отдела общественных связей. Правда, договорился только о ее встрече с руководством, а потом уж на той самой первой встрече Лена решила все сама. Ей даже предложили сняться в телевизионной рекламе. Потом этот ролик гоняли почти год по разным каналам. Лена взлетает высоко на своем кайтборде. Ветер треплет волосы, и она кричит: «Какая красота! Какой вид! Я могу взлететь еще выше, потому что с «Евротраст банком» мне ничего не страшно».

Реклама примелькалась, и Лену даже иногда узнавали в магазинах или просто на улицах. Однажды вечером к ней подошел не очень трезвый мужчина и спросил сурово:

– Ну что, не страшно тебе?

Было темно, а потому разобрать, кто и зачем подходит, не представлялось возможным. Лена уже мысленно прикидывала, что лучше сделать сначала – подсечку или сразу ударить ногой в печень, но мужчина вовремя заговорил:

– Ну и правильно, а вообще-то я у вашего банка сигаретку стрельнуть хочу.

Сигарет не было, но мужчина не обиделся и даже сказал, что она – очень добрая девушка: это видно по ее глазам.

Когда-то Лена встречалась с Сашей Трухановым, Саша даже начал заниматься вместе с ней кайтингом, но очень скоро сломал руку и бросил. А потом женился на дочери какого-то деятеля из Минфина. То есть сначала женился, а потом сломал руку. Отношений с Леной разрывать не собирался, но когда явился к ней в гипсе, но с букетом и с улыбкой честного человека на лице, она его не пустила и цветы не приняла. Через дверь он назвал Лену дурой и сказал, что спонсорство закончилось. Но тем не менее продолжал спонсировать, иногда звонил и намекал на свои неугасающие чувства. И к ней, и к экстриму.

Саша Труханов, всегда улыбчивый и очень ухоженный, выглядел моложе своих лет; какое-то время он нравился Лене, она даже думала, что влюблена в него – вероятно, оттого, что других кандидатов не было. Последнее обстоятельство иногда огорчало.

1918 год, 30 августа

Вера поднялась по лестнице, свернула в коридор и остановилась у дверей кабинета хозяина. Она вошла бы сразу, но за неплотно прикрытой дверью разговаривали мужчины.

– Перейти границу достаточно сложно, – говорил камергер Росляков. – Но перебраться туда – это только половина дела. Гражданская война у них еще в мае закончилась, но только Бог знает, где сейчас финские красные: по лесам бродят или на хуторах сидят. Мой человек имеет окно на границе. С той стороны его люди примут вас, но ведь до Гельсингфорса сопровождать не будут. Простите, я по-старому называю… Теперь у них не Гельсингфорс, а Хельсинки. Будете сами добираться, а опасность существует. Могут как красных шпионов задержать и расстрелять на месте… Тем более что при вас такие капиталы. Вообще, мой вам совет: говорите на той стороне, что вы друг генерала Маннергейма – тогда они вряд ли рискнут что-либо делать с вами. Он у них сейчас большим уважением пользуется – как-никак спас страну от революции. А увидите Карла, передавайте от меня привет.

– Обязательно. И за совет спасибо, – прозвучал голос Долгорукова.

И тут же зазвенели струны: вероятно, князь держал в руках гитару и решил проверить ее звучание… Он тихо пропел:

Четвертые сутки пылают станицы,

Горит под ногами донская земля.

Не падайте духом, поручик Голицын…

Корнет Оболенский, налейте вина…

Он оборвал песню и произнес:

– Если бы не нейтралитет казаков, то не было б сейчас Советов. Ведь они сами выбрали Каледина атаманом Войска Донского. Он ликвидировал Советы во всей Донской области, а когда Алексей Максимович попросил у них артиллерию, старшины отказали. Казаки спокойно наблюдали, как мы поначалу теснили Антонова-Овсеенко с Сиверсом, а присоединиться к нам не захотели. Потом красные собрали казачьих старшин и все равно расстреляли за этот их нейтралитет. Тогда же Корнилов известил, что уходит со своими отрядами на Кубань, этим бегством он открыл фронт. Мы отходили к Таганрогу вдоль Дона, по нам била артиллерия, снег был черным от гари… Полторы сотни штыков у нас оставалось, да и то это были юнкера, кадеты, гимназисты. Мальчишки плакали от горя.

– А что за поручик Голицын? – спросил Росляков. – Или это просто поэтический образ?

– Константин Голицын, поручик – очень приятный молодой человек. Не знаю, жив ли. А песню написал генерал Гончаренко, но он на Украину ушел. Меня ранили, возможности скрыться не было. Не знаю, кого благодарить, но переодели меня, раненного под Таганрогом, в матросскую форму – это и спасло…

Стоять под дверью и слышать чужой разговор было верхом неприличия; Вера давно бы уже зашла, но боялась предстать перед мужчинами со счастливым лицом. А она улыбается с самого утра и даже по городу шла, радуясь тому, что светит солнышко, бегают мальчишки – продавцы газет, поют канарейки в клетках, выставленных на подоконниках растворенных окон… Все было переполнено счастьем, которое пришло к ней самой накануне…

Вечером, когда погасили электричество, уже лежа в постели, Вера вдруг поняла, что не может заснуть. Ей хотелось лежать и думать о своей любви, мечтать о нем, который совсем рядом, через комнату от нее, – человек, которого она любит уже давно, с той поры, когда впервые увидела в Царском Селе высокого и улыбающегося юнкера, приехавшего к ним в дом вместе с родителями… Для чего его привезли тогда на детский праздник? Алексей был уже почти взрослым. И все-таки он поцеловал ей руку и сказал, что ослеплен ее красотой. Это был первый комплимент в ее жизни: именно тогда Вера и полюбила его, даже не понимала, что это любовь. Но уже знала, что это навсегда.

И тогда она встала с кровати, набросила на плечи чужой мужской халат, который ей выделил камергер, взяла свечу и вышла в коридор. Вышла так стремительно, что пламя качнулось и едва не погасло, но тут же фитиль вспыхнул снова. Вера подошла к его двери и постучала. Дверь не сразу, но распахнулась, на пороге стоял растерянный молодой князь Долгоруков.

– Не осуждайте меня, – произнесла Вера, – но я не могу жить без вас.

Алексей пропустил ее в едва освещенный двумя догорающими свечами кабинет.

– Проходите, мне давно уже есть что вам сказать.

Долгоруков взял свечу из ее руки, и тогда Вера обхватила его шею двумя руками, прижалась и шепнула, готовая расплакаться от своей любви и решимости:

– Не бросайте меня, пожалуйста. У меня, кроме вас, никого нет на свете.

Свеча догорала, и было далеко за полночь. Где-то далеко, вероятно, в кабинете хозяина, один раз ударили часы, отмечая половину какого-то часа, но только какого – непонятно, но это было уже неважно. Произошло то, что должно было произойти. Вера мечтала стать его женой и стала ей. И теперь Алексей целовал ее руки и плечи, говорил, что когда с простреленной грудью лежал в чужом таганрогском сарае и ему казалось, что он умирает, то страдал он не от боли или голода, а от одного страха – не увидеть ее никогда больше. И она целовала темное пятно шрама на его груди, гладила его голову… А потом вдруг за окном в темном Таврическом саду зазвучала гармошка и чей-то пьяный голос заорал:

Где-то в палатке, забрызганной кровью,

Матросы рядами сидят.

Там на руках у сестры помирает

Красный балтийский моряк…

Потрескивала свеча, поставленная не на подсвечник, а в серебряную пепельницу. Бледный свет плясал по стенам, отражался в стеклах старых

фотографий, вставленных в деревянные рамки. На этих снимках были незнакомые люди, счастливые от того, что не дожили до этих окаянных дней.

Не плачь ты, сестрица, не плачь ты, родная,

не надо так громко рыдать.

Нас еще много, аж целая рота,

И каждый готов помирать…

Гармошка звучала весело, и голос, оравший в Таврическом саду, был переполнен радостью.

Глава четвертая

Все-таки утром в понедельник Лена решила позвонить Труханову. Знала, конечно, что этого делать нельзя. За завтраком она долго смотрела на свой аппаратик, непонятно на что надеясь. Вряд ли Федор ей позвонит, а даже если и позвонит, ничего это не изменит. Едва ли новый знакомый настолько богат, что сразу же предложит ей оплатить участие в Сейшельском турнире. Но Федор вряд ли состоятельный человек: во-первых, его моторка простенькая, и одет он был непрезентабельно, хотя на рыбалке все выглядят одинаково. К тому же вряд ли есть на свете миллионеры – любители порыбачить в холодных водах. Вот если ловить тунцов и марлинов где-нибудь возле Мадагаскара! Закидывать спиннинг с борта роскошной яхты, попивая «Дайкири» или «Мохито»… Там, конечно, только миллионеры, и никого больше. А Федор, разумеется, не миллионер – уж больно он обаятельный и простой. Олигархи такими не бывают. Хороший человек – он свой в доску, готовый помочь и дружить до гроба и делиться всем, что имеет. Хороший человек вряд ли бывает богатым. А зачем делать деньги, если у тебя нет друзей и любви настоящей тоже нет, потому что всем от тебя чего-то нужно? И пристают все знакомые: «Дай денег на что-нибудь. Например, на участие в коммерческом соревновании по кай- тингу…»

Думать об этом было противно и стыдно, но денег взять неоткуда, а потому Лена все равно позвонила Труханову.

Выпрашивать деньги сразу не планировала, но Саша опередил:

– Если ты по поводу спонсорства, то не рассчитывай. Банк теперь денег не даст. У нас сменилась рекламная стратегия. Рекламы больше заказывать не будем. Так что наш логотип со своего парафойла можешь убрать. Мой совет: поищи другой банк или крупную компанию вроде «Газпрома» – для них десять или пятнадцать тысяч баксов не деньги. А ты к тому же очень симпатичная.

Это прозвучало грубо, словно Труханов выталкивал ее на панель.

Лена хотела уже попрощаться, но Саша вдруг предложил:

– Давай все-таки встретимся и обсудим. Много денег не обещаю. Но треть смогу собрать. Но это будут личные средства. Да и с управляющим могу поговорить на предмет предоставления кредита, ведь тебе нужно будет уже семь или десять тысяч. В крайнем случае даст кредит под небольшой процент. А выиграешь, легко рассчитаешься. Ты вообще же сможешь победить?

– Могу, конечно, – согласилась Лена, – во фристайле – скорее всего, буду в призах. А в гонках на время вряд ли: не все от мастерства зависит – у соперников каждый раз новое оснащение, все лучше и лучше. А я третий год свое латаю.

– Сколько за победу обещают?

– За первое место в общем зачете – пятьдесят тысяч, за второе – сорок, за третье – тридцать. Все попавшие в первую шестерку получают право участвовать в следующем турнире бесплатно. А победитель еще и может рассчитывать на рекламный контракт от производителей оборудования для кайтинга.

– Ну вот, – обрадовался Труханов, – будет чем кредит выплатить… В крайнем случае можно заложить квартиру. А еще лучше – обменяешь свою на меньшую. У тебя ведь после папы остались шикарные адмиральские апартаменты – считай, почти в самом центре. А у меня на примете есть двушка на Васильевском. Очень приличный дом, до Финского залива рукой подать. Тысяч или даже сорок тысяч долларов запросто получишь в качестве разницы в стоимости.

– Нет! – решительно отказалась Лена.

– Ну я все же приеду?

– А зачем? Ты же мне посоветовал дружить с другим спонсором.

Разговор был закончен. Лена сбросила вызов, злясь на себя за этот звонок.

Мобильный затренькал снова. И опять это был Труханов.

– Не хочешь менять квартиру, – сказал он с проникновенным сочувствием в голосе, – заложи свой катер. А лучше – продай. Я у тебя его куплю за те же тридцать тысяч. В конце концов, будем вместе выходить в море.

– Это папин катер! – не выдержала Самохина. – Квартира тоже папина! Ничего менять или продавать я не собираюсь!

Понятно, что хочет Труханов – возобновления отношений. Деньги, судя по всему, у него есть. Не у него, скорее всего, у жены – минфиновской дочки. Саша хочет купить не катер, а ее саму, то есть приобрести катер, а бывшую хозяйку получить как бесплатное приложение, зная, что Лена не может не выходить в море. А она должна будет смириться и терпеть, надеясь, что любовник оплатит ее участие в очередном коммерческом чемпионате по кайтингу. Какое противное слово – «любовник»! Звучит, как «нахлебник» или «паскудник». Да и сама продажная любовь – первостепенное паскудство. А Труханов чуть ли не в открытую намекает на это.

Снова зазвонил телефон.

– Не продам я катер! – крикнула в трубку Самохина.

– И это правильно, – прозвучал в трубке незнакомый мужской голос.

– Кто это? – осторожно поинтересовалась Лена.

– Это Федор, если не забыли такого.

– Помню, конечно.

– Не надо катер продавать ни в коем случае, – попросил новый знакомый, – а то как мы встретимся с вами в следующий раз?

– Вы хотите встретиться?

– Можно в следующие выходные, – предложил Федор. – Хотя я сейчас в отпуске и у меня каждый день выходной.

И он рассказал, что работает испытателем глубоководных аппаратов, которые проектирует его отец. Закончил военно-морское училище и даже прослужил пять лет на подводной лодке, а потом отец договорился с главным штабом ВМФ о переводе сына в его КБ.

– В какой БЧ несли службу? – поинтересовалась Лена.

– БЧ-один, – ответил молодой человек.

– Штурманская.

– Откуда такие глубокие познания?

– У меня отец служил во флоте.

– Погодите, – остановил ее удивленный Федор, – я слышал на том острове, как к вам друзья обращались по фамилии. Выходит, ваш отец – вице-адмирал Самохин, если я ничего не путаю? А предок – контр-адмирал Самохин? Тот самый, который, будучи капитаном второго ранга царского флота, вывел из Гельсингфорса запертую там эскадру, чем сохранил Балтийский флот. Он провел корабли через ледяной залив, через минные поля, установленные немцами, в Кронштадт и по прибытии едва не был расстрелян большевиками, которые уже пообещали эти корабли Германии…

– Слава богу, матросы его отстояли. Прадеда репрессировали потом в тридцать седьмом. И почти сразу реабилитировали, когда выяснилось, что донос ложный.

– Надо же! – продолжал удивляться Федор. – Мой отец учился вместе с вашим, они даже служили какое-то время вместе.

– А вам самому нравится служба?

– Спрашиваете! Такой службы, как у меня, ни у кого нет. Я хоть и числюсь капитаном третьего ранга, но погоны не ношу. Испытание аппаратов само по себе очень интересное занятие, к тому же у меня имеется и почти личная подводная лодка. Маленькая, правда, но очень погружаемая, а потому по мере возможностей я еще занимаюсь подводными исследованиями.

– Неожиданности случаются?

– Еще какие! Недавно совершенно случайно нашли испанский галеон шестнадцатого века.

– Я слышала об этой находке, – сказала Лена. – Корабль, переполненный золотом инков…

– Тот самый, – подтвердил Федор, – сейчас, правда, на золото претендуют несколько государств Центральной и Южной Америки, Испания как владелец груза, а еще и Англия, потому что перед гибелью судно было захвачено пиратом Дрейком, а Дрейк находился на службе у английской короны. Но один суд мы уже выиграли. Выиграем и другие. Ведь по морскому праву, если корабль затонул в нейтральных водах, то владельцем груза является тот, кто обнаружил его и достал.

Лена молчала, пораженная.

– Вам интересно? – поинтересовался молодой человек.

– Еще как.

– Тогда, может быть, увидимся, погуляем вместе? В кафе посидим. Если вы живете в квартире отца, то мне хорошо известно, где ваш дом находится. Называйте время: я подъеду.

Они провели вместе целый день. Вечером Федор проводил ее до парадного, они еще какое-то время разговаривали. Потом попрощались, и молодой человек ушел. И сразу из кустов выскочили две тени и бросились к Лене. Она уже приняла боевую стойку, чтобы начать схватку с нападающими, но тут узнала Лаленкова. Рядом с одноклассником стоял мощный бодибилдер Володя.

– Ты это, Самохина… Чего так долго шляешься? – спросил бывший одноклассник. – Мы тебя уже полтора часа ждем.

– А позвонить нельзя было? – удивилась Лена.

– Разговор не телефонный, – объяснил бодибилдер и оглянулся.

Ничего не оставалось, как пригласить их войти. Пока поднимались в квартиру, друзья объяснили, что между ними возник спор. Лаленков сказал, что у одноклассницы в доме видел фотографию, еще дореволюционную, на которой изображен ее предок, и держит он в руках яйцо Фаберже. А Володька не поверил, утверждая, что у Фаберже все яйца считаные и специалисты про них все знают вплоть до цены. И, конечно же, местонахождение каждого известно.

– Есть такая фотография, – сказала Лена, запуская их в квартиру. – Висит на одном и том же месте уже лет пятьдесят или семьдесят.

Запускать посторонних в кабинет отца не очень хотелось, но спорить с Лаленковым себе дороже. Оба гостя вошли туда и уставились на снимок. Они рассматривали фотографию и переглядывались.

– Похоже на то, – наконец признал Владимир.

Без особого интереса он оглядел обстановку кабинета, макеты кораблей, фотографии судов на стенах, карты и корешки старинных лоций.

– А откуда у твоего деда Фаберже? – поинтересовался Лаленков.

– У прадеда, – уточнила Лена. – Ему это яйцо его мама подарила в год окончания Морского корпуса. Он получил погоны мичмана и кортик, а она продала свои украшения и заказала Фаберже на новогодний подарок. Он тогда ушел с

эскадрой на Дальний Восток, где начиналась русско-японская война. Тонул, спасаясь с подорвавшегося на японской мине крейсере, но подарок матери не потерял.

– Да как вообще можно с собой такие деньжищи таскать! – возмутился бодибилдер. – Будь у меня такое яйцо, я бы в банке ячейку снял и держал свое богатство под надежной охраной. Показывал бы иногда специалистам… И девушкам за хорошее поведение.

1918 год, 31 августа

По Сенному рынку ходили вооруженные патрули. Молодые солдаты проверяли документы, не забывая набивать карманы яблоками, солеными огурцами и вяленой красноперкой. В составе патрулей были и молодые рабочие, которые зло ругались с торговками, не желавшими ничего им давать бесплатно. Один из патрульных, оглядев с ног до головы проходящую мимо Веру, крикнул вроде как и не ей:

– Во какая! Фу-ты ну-ты, ножки гнуты! Посмотрите-ка на нее! Гордая вся! А господам, небось, пуховые перины грела. Лярва буржуйская!

Вера не знала, зачем зашла на рынок. Но если и в самом деле они с Алексеем будут пробираться в Финляндию через леса, то необходимо иметь в запасе теплые вещи. Но теперь, пробегая мимо рядов с картошкой, репой, турнепсом, хомутами и валенками, понимала, что пришла сюда зря. Возле ворот рынка стоял слепой старик с шарманкой. Старик крутил ручку, вокруг ходила девочка в потертом коротеньком пальто и пела:

Разлука ты, разлука, чужая сторона.

Никто нас не разлучит,

Лишь мать-сыра земля…

Девочка подошла и остановилась перед Верой. Протянула большую жестяную кружку и заголосила еще жалобнее:

Все пташки-канарейки так жалобно поют.

И нас с тобой, мой милый, разлуке предают.

Вера порылась в ридикюле и достала двугривенный. Опустила в пустую кружку. Серебряная монетка громко звякнула. Грустная девочка перевернула кружку, ловко зажала двугривенный в кулачок и тут же спрятала монету в карманчике пальто.

– Мерси.

В ридикюле оставалась лишь небольшая горстка серебряной мелочи и два золотых империала – денег больше не было.

Кто-то потянул Веру за рукав. Она обернулась и увидела бабу в плюшевой кацавейке. Голова бабы по самые глаза была обмотана цветастым ситцевым платком.

– Верочка, – шепнула торговка отшатнувшейся девушке, – не бойтесь. Это я – Екатерина Степановна Ягужинская. Пришла сюда вещи на продукты менять. Стою и трясусь: а вдруг кто узнает. Два часа назад у дровяных складов инженера расстреляли, который свои часы предлагал. Солдаты забрали часы, а он возмущаться начал, кричал. Его завели за поленницы для проверки, и тут же выстрелы. Потом торговки бегали смотреть, может, пальто не повредили. Страшно… Вы-то зачем сюда?

– Скоро холода, а у меня теплых вещей нет.

Ягужинская задумалась, а потом достала из своего мешочка пуловер.

– Возьмите. Вещь хоть и мужская, но вы в нем точно не замерзнете.

Вера достала полуимпериал и протянула Екатерине Степановне. Та уже почти взяла золотой, но отдернула руку и затрясла головой.

– Нет, нет! Вам и самой жить как-то надо. А я уж перебьюсь. Мы еще картины припрятали. В гостиной прежде висели у мужа и в кабинете. Шишкин, Левитан, Серов, Айвазовский… Но кому они теперь нужны?.. У меня, кстати, еще сапожки

хромовые для вас…

К ним подошел молодой рабочий из патруля, что свистел Вере вслед, и дыхнул луком:

– Давай, старая, проваливай! Девку мы забираем.

– Куды ж?! – заголосила Ягужинская. – Она ж дочка моя! Я к ней из деревни зазря, что ли, триста верст перлась из самой, почитай, Опочки?.. Насилу ее здеся в вашем чертовом городе отыскала, а тута сразу забирать! Она, может, от хозяев своих настрадалася, места себе найти не может, мать встретила, поплакаться ей решила…

– Ну так мы утешим, – не унимался парень. – Я с отрядом послезавтра на фронт иду с белой гвардией биться не на жизнь, а на смерть. У нас как раз сегодня проводы намечаются…

Он посмотрел на Веру.

– Все чин чинарем будет. В том числе граммофон с пластинками. Шаляпин имеется, между прочим. У меня даже комната почти что своя. А утром я сам, куда надо, тебя провожу или извозчика найду.

– Да пошел ты со своим извозчиком и Шалякиным-Малякиным туда же! У нас у самих в деревне революцию защищать надо! – крикнула Екатерина Степановна.

– Во боевая мамаша! – обрадовался подошедший солдат с винтовкой. – Имеет понятие. Если революция, то делиться надо. Если пожрать нету у тебя, к примеру, то сама знаешь, что военному человеку нужно, кроме жратвы.

– Ты это мужу моему расскажи: он десять лет на царской каторге гнил ни за что! Помещика за ноги в лесу повесил, и что с того – сразу на каторгу, что ли?.. Не пущу с вами дочку!

Люди, проходившие мимо, стали останавливаться, торговки из рядов вытягивали шеи. Толпа зевак росла на глазах, и все смеялись. Солдат гневно посмотрел на молодого рабочего.

– Ты чего это к девке пристал? – возмутился он. – Тебе другой пост доверили! Чего ты сюды поперся?

– Так я ничего, – начал оправдываться парень. – Думал, моя бывшая краля шландыбачет, а теперь вижу, обознался. Моя посисястей будет, и лицо у этой не рябое.

– Сам ты рябой! – уже спокойно произнес солдат. – Ладно, иди уж. Прям не человек, а шкворень какой-то.

И подмигнул Ягужинской.

– Не беспокойся, мамаша! Мужу привет передавай.

Они ушли, а Екатерина Степановна перекрестилась.

– Спасибо тебе, Господи! Не оставил нас – чад твоих.

И тут же шепнула перепуганной Вере:

– Ненавижу их всех! Ненавижу, потому что боюсь!

И снова перекрестилась.

Вера вошла в кабинет камергера Рослякова. Мужчины при ее появлении поднялись. Кроме Алексея и Александра Васильевича в комнате находился еще один человек в пиджаке и в косоворотке.

– Капитан второго ранга Самохин, – представил его камергер Росляков.

Самохин подошел и поцеловал руку Веры.

– Мы волновались за вас, – сказал камергер. – Князь хотел даже бежать навстречу, но мы удержали…

– Со мной все в порядке. Встретила случайно графиню Ягужинскую, и она дала мне все, что мне нужно, даже сапоги нашлись моего размера – у нее сын кадет, ему сапоги на заказ шили. Но ему малы теперь, а мне в самый раз…

Вера заметила, что мужчины выглядят очень встревоженными.

– Что-то случилось?

Росляков кивнул:

– На улицах хватают всех подряд. Уже объявили о покушении на Урицкого. Сообщили, что был это заговор эсеров. И по случайному совпадению в Москве стреляли в их вождя – Ульянова. Какая-то эсерка.

– Ленина убили? – не поверила Вера.

– Пока жив. Было три выстрела. Одна пуля попала в шею, другая в руку. Пострадала еще какая-то посторонняя женщина. Женщину наповал, а этот их Ленин пока еще дышит. Извините, но я даже не знаю, радоваться или нет, потому что уже объявили красный террор и на улицах хватают всех, кого эти люди считают представителями других классов. Если Ульянов умрет, то властвовать будет, скорее всего, Свердлов, а это еще похуже зверь. Нынешней зимой, если помните, перед самым Рождеством, когда эсеры устроили демонстрацию в поддержку Учредительного собрания, то именно он приказал стрелять в безоружных и колоть их штыками. Как раз в Таврическом саду у меня под окнами трупы складывали. Тысячи убитых, гораздо больше, чем в пятом году на Дворцовой. А они еще государя императора кровавым убийцей называли… Упокой, Господи, его душу и души всех невинно убиенных.

Камергер перекрестился, остальные тоже.

– Про Леню Каннегисера что-нибудь известно? – тихо спросила Вера.

– На первом же допросе он во всем признался, сказал, что давно планировал это убийство, совершил покушение один… Швейцар-свидетель, правда, показал, что наверняка не видел, кто именно стрелял, потому что спиной ко входу стоял, но Каннегисера опознал как человека, который около двадцати минут топтался у

входа в наркомат и спросил у него, когда появится Урицкий.

– Но у юнкера был револьвер, из которого он не сделал ни одного выстрела, – удивился Долгоруков.

– В барабане его «нагана» обнаружили четыре патрона. А выстрел, как вы сами говорили, был произведен всего один, – напомнил Росляков.

– Юнкер, очевидно, расстрелял три патрона на пустыре, где он, как уверял, проверял свою меткость. А стрелял он чрезвычайно плохо, это я еще по училищу помню. К тому же Каннегисер был близорук, но почему-то стеснялся носить очки. Очень жаль молодого человека. Мне казалось, что я смог уговорить его вернуться домой к родителям. Очень жаль…

Вера поднялась из кресла.

– Пойду к себе. Разберу вещи, которые принесла.

Накануне ночью они с Алексеем решили, что границу будут пересекать вместе. Только Долгоруков попросил ее подыскать соответствующую обувь – не туфельки или ботильоны, а именно сапоги. И посоветовал подготовить мужские брюки, потому что в юбке по лесу передвигаться неудобно. Любое платье очень скоро превратится в лохмотья.

– Прямо сейчас вам уходить нельзя, – произнес камергер Росляков, глядя на молодого князя, – вокзалы уже наверняка перекрыты, на всех заставах будут проверять не только автомобили, но и крестьянские телеги. Вдруг ваши приметы уже известны.

– Можно изобразить свадьбу, будто бы молодые едут гулять к родственникам в деревню, где еды побольше. С гармошкой едут, с песнями. Дадим солдатам на заставе бутылку водки, чтобы они выпили за молодых.

– Так вы и в самом деле вдвоем границу переходить собираетесь? – удивился Росляков.

– Да, – сказала Вера.

– Непременно вдвоем, – добавил Алексей Николаевич. – А перед тем обвенчаемся. По семейной традиции хотелось бы провести обряд в Спасо-Преображенском соборе. У меня ж все предки – преображенцы, еще при Елизавете деньги всем полком на собор собирали. Дед там венчался, отец…

– Так и я тоже, – шепнул камергер Росляков, – хоть и не преображенец. Так ведь этот храм еще со времен Павла так и называется – «Всей гвардии собор».

Кавторанг Самохин молчал, но после слов Алексея Николаевича подошел и обнял молодого князя.

– Поздравляю. Ваша невеста – удивительная девушка. Но переходить вдвоем границу – очень рискованно. У вас одного при вашей военной подготовке шансы есть, бесспорно. Но вдвоем с этим ангелом…

– Бог не выдаст, свинья не съест, – улыбнулся Алексей.

– На поезде в Финляндию не проскочить, – продолжил Самохин. – То есть проскочить можно, но без багажа, который вытряхнут весь. Но это было еще вчера, а теперь боюсь, что расстреливать будут прямо на границе… Как бы ни загримироваться, как бы ни одеваться рабочим или книжным червем, княжескую стать или гвардейскую выправку не спрячешь. Рисковать своей жизнью можно, но жизнью любимого человека вряд ли стоит. И не забывайте, что рисковать придется и тем, ради чего вы вернулись в Петроград. Генерал Щербачев делает благое дело, собирая средства на белое движение. Мы тоже тут в столице немножко постарались – наскребли что могли. Но чекисты знают о нашем деле. Один раз уже драгоценности попали в руки Урицкого. Спасибо Щербачеву, что он прислал именно вас. Прислал вместе с вашей удачей. Но впредь надо быть осторожнее. А потом я советую рассмотреть иной маршрут – по воде. По Финскому заливу гораздо ближе путь, но только пройти его будет сложно. А вот по Ладоге вполне. У красных там нет пограничных катеров, и ведут они наблюдение с берега. Что тоже вряд ли. Для этого у них нет сил и средств. Я могу предоставить ялик с парусом. Пойдете от Осиновецкого маяка… Вы же умеете управлять парусом?

– Приходилось.

– Я не настаиваю на своем маршруте, но настоятельно советую. Подумайте о безопасности. Ведь вы везете с собой не только тысячи винтовок, пулеметы и орудия – вы везете с собой надежду на спасение России.

Пока они разговаривали, Росляков подошел к большому письменному столу, выдвинул нижний ящик и достал сверток, обернутый пергаментной бумагой и перетянутый шпагатом. Распаковал и показал Алексею сафьяновую коробочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ekaterina-ostrovskaya/dva-raza-v-odnu-reku

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити